

— Но-о! — прикрикнул кучер, и сырая горная дорога, испещрённая глубокими ухабами, отозвалась хлюпаньем грязи под копытами лошадей.

Повозка надсадно скрипела и качалась, упрямо пробиваясь сквозь лесную чащу. Шум бьющихся о камни колёс и свист хлыста тонули в шелесте густой листвы.

Прижав к груди Меч Сокровенного Света, Цинь Шо дремал в углу экипажа. Раны его ещё не затянулись, истощённое тело требовало долгого покоя, так что в пути его неизбежно морило в сон. Однако колея была немилосердно разбитой, голова то и дело билась о жёсткую деревянную стенку, отчего забытие выходило рваным и тревожным.

Перед самым отъездом глава ордена Даохуа строго-настрого наказал им не выдавать в мире смертных своего происхождения. Главное правило — скрывать духовные силы, не ввязываться в чужие дразги и ни в ком не будить подозрений.

Будь это обычная охота на демонов ради закалки духа, таиться бы не пришлось. Однако пропажа священных артефактов — позор, который ордена стремились скрыть всеми силами. К тому же ищейки Дворца Небесного Начала наводнили не только земли заклинателей, но и владения смертных. Стоило хоть раз выдать себя — и ловушка захлопнулась бы. Осторожность сейчас была дороже всего.

Безжалостная обитель высилась в глубине Небесного горного хребта, отрезанная от остального мира. Дабы не плодить лишних слухов, они сначала добрались на мечях до ближайшей к подножию деревушки, а там за звонкую монету наняли повозку. Только так им удалось проскользнуть мимо учеников, охранявших барьер, и затеряться среди тех, кому официально дозволили спуститься с гор.

Внутри экипажа царило молчание — лишь надрывный скрип колёс нарушал покой. Цинь Шо покачивался в такт движению и со временем привык к этой тряске. Он покрепче перехватил меч, постепенно проваливаясь в глубокий сон. Одно досаждало: затылок упирался в безжалостно жёсткую деревянную панель. Сколько он ни ворочался, устроиться поудобнее никак не удавалось.

Сквозь дрему ему вдруг почудилось, будто к нему тянется рука Сун Ваньчэня. Сон слетел в мгновение ока. Словно напуганная птица, Цинь Шо шарахнулся назад, спину обдало ледяным потом — страх, пережитый на Собрании бессмертных, всё ещё крепко держал его в своих когтях.

— Ты... — выдохнул он.

Слово застыло на губах. Цинь Шо разглядел, что Сун Ваньчэнь держит обычный мягкий валик под голову. Похоже, он просто обознался в своей подозрительности.

Ваньчэнь молча подложил валик ему под спину. Его тёмные, затуманенные тишиной глаза

установились на спутника, а голос прозвучал приглушённо, почти хрипло:

— А-Шо, ты всё ещё мне не веришь?

Цинь Шо замер. Уклоняясь от ответа, он отвернулся к окну. Сквозь щель в занавеске виднелось темнеющее небо — дело шло к сумеркам. Если повозка не сломается, они успеют добраться до посёлка Учжэнь до темноты и найти там ночлег.

Закатные лучи путались в густой листве и дробились на быстрые блики, плясавшие по стенам под мерный стук колёс. Цинь Шо казалось, что он давно со всем примирился и всё отпустил, но стоило вспомнить ночь накануне Собрания, как сердце сдавило тупой иглой. Потупившись, он тихо спросил в ответ:

— А сам ты? Столько всего стряслось с тех пор, как я потерял память... Ты-то мне веришь?

— Разумеется, я...

Сун Ваньчэнь резко перехватил его запястье. В его голосе прозвучало непривычное нетерпение, но тут снаружи раздался резкий, пронзительный птичий крик, оборвав фразу на полуслове.

Воздух в повозке словно застыл. На лбу Сун Ваньчэня вздулись синие вены. Он судорожно зажал уши ладонями, кривясь от невыносимой муки, будто его голову разрывало изнутри. Это длилось секунд десять. Цинь Шо потянулся к нему, желая спросить, что стряслось, но Ваньчэнь остановил его жестом, тяжело дыша и крепко сжимая ладонью его предплечье. Постепенно приступ отступил.

Когда он снова поднял взгляд, его глаза вновь стали чистыми и ясными. На губах заиграла мягкая улыбка:

— Разумеется, я верю тебе, А-Шо.

Куда делось то отчаянное напряжение? Теперь Сун Ваньчэнь держался на удивление непринуждённо, и эта мгновенная перемена кольнула Цинь Шо неприятной, чуждой фальшью. Что-то здесь было глубоко неправильно, но уловить ускользающую деталь он не мог.

Невольно вспомнился странный звон колокольчика, то и дело звучавший в его собственной голове. Может, и Сун Ваньчэнь мучился от чего-то подобного? Очень хотелось спросить напрямую, но Цинь Шо побоялся раскрывать свои карты.

— А-Шо.

Жаркое дыхание опалило лицо, заставив Цинь Шо вскинуть голову. Сун Ваньчэнь придвинулся почти вплотную, нависая над ним и лишая пространства. Его пальцы стальными тисками сжимали запястье Цинь Шо — не вырваться.

— Всё, что случилось раньше — моя вина. Обещаю, я больше никогда не допущу, чтобы ты оказался в опасности.

Поначалу Цинь Шо просто морщился от боли в запястье и хотел потребовать, чтобы его отпустили, но Ваньчэнь навалился сверху и сжал его в объятиях с такой отчаянной силой, что затрещали рёбра. Сзади высилась жёсткая перегородка повозки, деваться было некуда. Грудь сдавило так, что дыхание перехватило.

— Да пусти ты, м-м...

Разница в их силе была колоссальной. Куда простому заклинателю на поздней стадии Зарождающейся Души тягаться с великим мастером, достигшим поздней стадии Преодоления Скорбей? К тому же, не до конца залеченные раны ныли при каждом движении. Попытаться вырваться силой было бессмысленно.

Сорвавшийся на шёпот голос зазвучал у самого уха:

— Как бы там ни было, мы обручены... — объятия сделались невыносимо тесными, словно Ваньчэнь пытался слиться с ним воедино. — Я поклялся твоему Шицзуню. Поэтому, А-Шо... веришь ты мне или нет, просто дай мне шанс всё доказать, хорошо?

Цинь Шо и сам не понимал, стоит ли доверяться этим речам. Кости ломило от удушающей хватки, но за тонкой стенкой сидел возница, и поднимать шум в повозке не хотелось. Сцепив зубы, он выдавил:

— Хорошо. Только отпусти... дышать нечем!

Тяжёлые руки наконец разомкнулись. В глазах Сун Ваньчэня мелькнула и тут же погасла мимолётная радость — его взгляд упал на лежащий рядом Меч Сокровенного Света, который вдруг слабо завибрировал. Лицо Ваньчэня мгновенно посерьёзнело.

— Печать с меча... Глава ордена снял её?

Разговор о мече помог Цинь Шо отвлечься и перевести дух. Сжав пальцами прохладную рукоять, он кивнул:

— Да. Перед отъездом Шицзунь позвал меня к себе. Он убрал все путы, которые наложили старейшины, но предупредил, что оружию нужно время, чтобы духовная энергия улеглась. Только тогда им можно будет пользоваться без опаски.

Сун Ваньчэнь промолчал, задумчиво опустив голову. Затем скользнул взглядом по клинку вверх, прямо в глаза Цинь Шо, и твёрдо произнёс:

— Даже без него тебе нечего бояться. Я уберегу тебя от любой беды.

Сила Сун Ваньчэня действительно не оставляла сомнений в его словах. И всё же безоговорочно поверить ему Цинь Шо не мог. Не желая затевать ненужный спор, он лишь молча согласился. Размеренный стук колёс вновь усыпил бдительность, и веки налились свинцовой тяжестью.

Лёгкое покачивание повозки убаюкивало. Цинь Шо незаметно для себя закрыл глаза. Теряя связь с реальностью, он накренился вбок, но чьи-то руки бережно подхватили его, устраивая поудобнее. Уткнувшись в чужое тёплое плечо, он окончательно уснул. Внешний мир угас, звуки дороги растворились, и сознание соскользнуло в вязкую, глубокую темноту сновидения.

Во мраке перед глазами заплясал огонёк фонаря — то вспыхивал, то гас. Это повторилось трижды, пока из темноты не проступили очертания Безжалостной обители под покровом глухой ночи. Вот только рука, державшая бамбуковую ручку фонаря, принадлежала не ему.

Тот, чьими глазами Цинь Шо сейчас смотрел на мир, негромко напевал под нос бесхитростный мотив. В правой руке, помимо фонаря, он нёс плетёную корзину со снедью. Владелец этого тела уже несколько раз с беспокойством приоткрывал крышку, проверяя сохранность угощения, прежде чем неторопливо направиться к залитому огнями Павильону Сокрытого Оружия.

«В этот раз персиковое печенье уцелело, ни один краешек не обломился! Старшему брату обязательно понравится!»

Радостные мысли эхом отозвались в сознании Цинь Шо, заставив его вздрогнуть посреди сна. Он мгновенно узнал этот голос. Он принадлежал его младшему брату, Фэн Си.

Фэн Си продолжал идти вперёд. Слабое пламя фонаря выхватывало из темноты сырую землю, пока луч света неожиданно не скользнул по высокой фигуре, вывалившейся из дверей павильона. Незнакомец тяжело дышал, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу. Он то и дело падал, поднимался и упрямо двигался вперёд, опираясь на меч, как на костыль. Всё его тело было покрыто глубокими ранами.

Жёлтый свет качнулся и выхватил из темноты лицо несчастного. У Фэн Си — а вместе с ним и у запертого в чужом теле Цинь Шо — перехватило дыхание от ужаса.

Перед ними стоял сам Цинь Шо.

Внезапное столкновение выбило из рук Фэн Си и фонарь, и корзину. Хрупкое печенье, которое он так берёт, рассыпалось по грязной траве уродливым крошевом.

— Старший брат! — в голосе Фэн Си не осталось и следа привычной дерзости. Забыв о рассыпанном угощении, он испуганно бросился наперерез, пытаясь удержать шатающегося юношу. — Что с тобой? Откуда столько крови? Кто это сотворил?!

Но двойник из кошмара резко, с яростным остервенением оттолкнул его. Грудь раненого ходила ходуном, плечи содрогались, а ладонь, сжимавшая рукоять меча, ходила ходуном от дрожи. Он вскинул клинок, направив остриё прямо в грудь Фэн Си.

— Лжецы! Вы все гнусные лжецы!

Тьма мешала разглядеть его лицо, но сорванный, захлёбывающийся рыданиями голос выдавал крайнюю степень отчаяния. Кровь пропитала не только его одежду на груди; тёмные влажные пятна расплзлись по паху и бёдрам. За ним тянулась вереница отчётливых багровых следов.

— Старший брат, да что же с тобой стряслось?

Цинь Шо чувствовал, как бешено колотится сердце Фэн Си. Тот попытался подойти ближе, чтобы успокоить безумца, но лезвие меча скользнуло по его предплечью, оставляя глубокий порез. Фэн Си пришлось выхватить собственное оружие, чтобы отразить следующий яростный выпад.

— Это же я, Фэн Си! Неужели ты меня не узнаёшь?! — взмолился он.

Но эти слова лишь подлили масла в огонь. Цинь Шо из кошмара словно окончательно лишился рассудка. Он исступлённо замахнулся, обрушивая удар за ударом на защищающегося юношу.

— Я тебе не брат! И у меня никогда не было таких братьев, как вы! Ты — лжец! Никакой ты не Фэн Си! Обычная подделка! И все они — подделки! Вы всё это устроили, чтобы поиздеваться надо мной! Все, все вокруг мне лгут!

Его выпады были столь стремительны, что уклониться не представлялось возможным. Даже истекая кровью, безумец разил без промаха — хладнокровно и безжалостно. На теле Фэн Си быстро множились раны, некоторые из которых зияли до самой кости.

— Тварь! Это ты погубил Вэйли! Я убью тебя! Убью!

Последний удар метил прямо в горло. Внезапно из темноты хлынул яркий свет факелов. На одно мгновение в глазах безумного Цинь Шо отразился застывший ужас Фэн Си, но завершить удар ему не дали — набежавшие ученики ордена повалили его на землю.

С неба закрапал холодный дождь. Меч Сокровенного Света с глухим звонком отлетел в сторону, выбитый чьим-то пинком. Общими усилиями учеников это безумное неистовство наконец удалось унять.

— Да что со Старшим братом?!

— Старший брат! Очнитесь!

— Он сошёл с ума! Напал на своих же!

Прижатый к сырой земле, заливаемый дождём двойник яростно вырывался и кричал во весь голос:

— Не прикасайтесь ко мне! Отпустите! Шицзунь! Мне нужно увидеть Шицзуня!

— Я в своём уме! Это вы все обезумели! Дайте мне поговорить с Шицзунем!.. Пустите же!..

Его хриплые крики захлебнулись в хлынувшем ливне. Ученики обхватили его поперёк туловища и силой уволокли прочь. Огни факелов и фонарей один за другим скрывались за пеленой дождя, пока окончательно не растворились в темноте.

Фэн Си так и остался стоять под проливным дождём. Он долго провожал взглядом огни, уплывавшие в сторону заднего склона горы, и лишь затем опустил глаза на погасший фонарь и растоптанное угощение под ногами. Разум отказывался верить в случившееся.

Только почуяв в воздухе стойкий, металлический запах крови, он опустил взгляд на раненое плечо. Вода смывала багровую струйку, обнажая рваную плоть, и лишь тогда его захлестнула запоздалая, жгучая боль.

— Старший брат... хотел меня убить?

Цинь Шо услышал, как Фэн Си ошарашенно шепчет одними губами:

— Ради какого-то пришлого чужака... он поднял на меня меч?

Промокшая шёлковая кисть на рукояти его меча уныло трепетала под порывами ветра.

— Зачем тогда были все эти годы? Чего ради я старался?

Раскатистый удар грома заглушил его голос, оставив в ушах лишь долгий, нудный звон.

— Зачем...

Тонкие нити кисти лопнули, и она упала в раскисшую грязь. Отражение уходящего Фэн Си в

луже подёрнулось рябью и исчезло.

Шум ливня сменился мерным поскрипыванием, свист плети и окрики кучера зазвучали отчётливее. Цинь Шо резко распахнул глаза. Вокруг по-прежнему были тесные деревянные стены экипажа.

Страхивая остатки кошмара, он почувствовал, что ему тяжело дышать. Опустив взгляд, он похолодел: его поперёк груди по-прежнему крепко сжимали чужие руки. Цинь Шо замер, медленно повернул голову и обнаружил, что виновник его стеснения, Сун Ваньчэнь, безмятежно дремлет, прикрыв глаза. Было неясно, спит ли он на самом деле или просто притворяется.

Помедлив, Цинь Шо решил аккуратно высвободиться, пока спутник не видит. Но стоило его пальцам коснуться чужих рук, как снаружи послышался настойчивый свист вожжей и окрик кучера. Повозка содрогнулась и остановилась.

В то же мгновение его ладонь перехватили. Тёплые пальцы Сун Ваньчэня крепко и ласково сжали его руку. Цинь Шо потрясённо вскинул голову и натолкнулся на пристальный, давно проснувшийся взгляд тёмных глаз, лучившихся мягкой нежностью.

Прежде чем он успел хоть что-то сказать, из-за плотной занавески донёлся бодрый голос кучера:

— Господа, приехали! Пожалуйста на выход, мы в Учжэне.

<http://bllate.org/book/20094/1998516>